

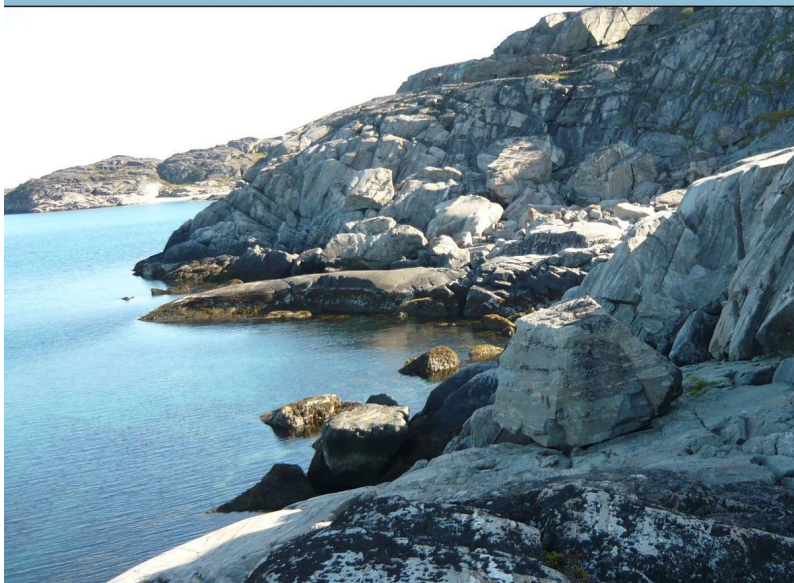
Пётр Лаврентьев

Островитяне

Сборник рассказов

Пётр Лаврентьев Островитяне. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8504904

ISBN 9785447402938

Аннотация

Рассказы мурманчанина Петра Лаврентьева, вошедшие в сборник, – это сочетание реальных и вымышленных, а порой и мистических событий, фактов из биографии автора и выдуманных им эпизодов. Размышления о вечном и ироничные шутки в адрес окружающей нас действительности, переживания за будущее всего человечества и ликование по поводу маленького успеха одного неприметного человека – всё это есть в рассказах Петра.

Содержание

Датчанин	5
Лунный мальчик	13
Островитяне	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Островитяне

Сборник рассказов

Пётр Лаврентьев

Фотограф Валерия Моисеева

© Пётр Лаврентьев, 2021

© Валерия Моисеева, фотографии, 2021

ISBN 978-5-4474-0293-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Датчанин

Морские волны бирюзового цвета лениво накатывали и разбивались об отшлифованные за сотни тысяч лет громады скал. Удар волны о гранитный валун, словно взрыв гранаты – грохот, осколки брызг и пены, вместо страха и боли приносящие прохладу и свежесть.

Мужчина сидел на самой кромке прибоя, казалось, ещё немного – и водная масса захлестнёт любопытного, но каменная преграда внезапно останавливала её, вода обдавала человека веером солёных капель и, миролюбиво рокоча, откатывалась назад. Изредка он неторопливо поднимал руку и, улыбаясь, вытирал мокрое лицо.

Вынырнувшая недалеко от человека весёлая симпатичная русалка, помахала рукой и крикнула:

– Здравствуй, Датчанин! Почему тебя давно не было видно?

Мужчина, улыбнувшись, помахал в ответ:

– Привет! Извини, я был очень занят!

– Чем? Чем ты был занят, Датчанин?

– Со мной произошла удивительная история!

– Сказочная?

– Сказочная!

– Обязательно потом расскажи!

Улыбка исчезла с его лица и, когда русалка, помахав ещё раз на прощание, скрылась в глубине моря, он тихо и грустно повторил:

– Сказочная...

Жил да был в одном маленьком королевстве Король. Королевство было настолько маленькое, что вместо пограничных столбов отделить его от остального мира смог обычный забор, покрашенный в зелёный цвет. И пересечь это королевство из одного конца в другой можно было неспешными шагами за три-четыре минуты. Это если идти очень медленно и при этом сделать пару коротких остановок по пути.

Но маленькое королевство было очень уютным и красивым, туда часто приезжали добрые и хорошие гости, встречаемые Королём, его супругой Благородной Королевой и маленьким Принцем. Если бы Принц был постарше, то я назвал бы его Прекрасным, но он действительно был ещё очень мал, а значит, и без моих лишних пояснений прекрасен – маленькие дети всегда прекрасны. И ещё они всегда добры, и Принц, без сомнения, тоже был добрым.

Он любил своих папу-Короля и маму-Благородную Королеву, любил скворца, живущего на дереве в специальном домике, который сделал сам Принц с помощью отца. Любил розы, растущие у пограничной калитки королевства, и розы любили его – они кланялись Принцу каждый раз, когда он, играя, пробегал мимо них. Он любил всех и думал, что

все любят его. Принцу казалось, что каждый человек в мире родился для того, чтобы любить остальных и делать им добро.

Но однажды его Король-отец собрался и уехал на войну. Короли часто ездят на войну – такова уж их королевская доля. А малыш Принц остался дома вместе со своей мамой Благородной Королевой, которая после отъезда Короля стала задумчива и печальна. Даже розы поникли своими красивыми головками у калитки, и скворец перестал петь, выглядывая из своего замечательного домика – так всё вокруг загрустило по хозяину.

Прошло некоторое время, вестей от мужа и отца не поступало, и Благородная Королева пригласила в замок старую ведьму, умевшую узнавать всё, что скрыто от людских глаз временем или расстоянием. Когда старуха вошла в дом, маленький Принц испугался её: растрёпанные редкие волосы, страшные морщины на лице, напоминавшие глубокие трещины, рваная чёрная одежда, противный квакающий голос, звучащий из огромного рта, в котором торчал один-единственный клык, бельмо на глазу – вот как выглядела эта ведьма. Он стоял перед неплотно прикрытой дверью в гостиную и мог наблюдать за происходящим через щелку.

В гостиной старая колдунья сразу же поставила на стол большое зеркало и начала шептать странные зловещие слова-заклинания. Зеркало стало светиться изнутри голубым светом, в нём появились неясные силуэты, замелькали бес-

форменные тени. Благородная Королева и спрятавшийся за дверью малыш с волнением смотрели в него, дрожа от страха. Вдруг они увидели в глубине волшебного зеркала синее небо и поросшие лесом горы, по которым двигалось множество рыцарей на больших, закованных в железо, конях.

– Вот они, наши красавцы! – смеясь довольным смехом, проквкала старуха и продолжила колдовство.

Теперь в зеркале показалось маленькое Вражеское Королевство, жители которого, во главе со своим Вражеским Королём готовились к последней битве с наступавшими на них Добрыми Рыцарями.

Внезапно небо потемнело – это налетели драконы Рыцарей.

– Сыпайте вправо, там где укрепление!

– Подпали посильнее у входа! Молодец, чётко сработано! Спасибо, крылатые!

– Не за что, пацаны! Удачи!

Драконы жгли дома и людей, не успевших спрятаться от их страшного пламени. Люди горели живыми, крича, беспорядочно в панике бежали, сгорали, умирали и падали. И продолжали гореть мёртвыми. А в тех, кто оставался в живых, уже летели огненные стрелы Добрых Рыцарей. Жители Вражеского Королевства пытались отстреливаться, но их

огонь был слаб и неорганизован, они медленно отступали в глубь своей маленькой родины, теряя при этом товарищей и покидая пылающие дома.

А Добрые Рыцари вместе с отцом Принца надвигались неумолимо и страшно, как огромная машина: грохоча сапогами и оружием, лязгая железом доспехов.

– Датчанин, ты меня слышишь?

– Слышу нормально. Только я не датчанин, я – мурманчанин.

– Все вы с севера – Датчане! Долбани-ка хорошенько из АГээСа по левой сакле, там уроды непокорные засели.

– Без проблем, Питер. Сделаем.

– Давай. ВОГи ещё есть?

– Как дерьма в сортире.

– Тогда работаем. Порви их на куски.

– Не вопрос. С Богом!

Скоро все Враги были повержены, и Добрые Рыцари пиروвали на улицах, празднуя победу, а между ними бродил один-единственный уцелевший житель Вражеского Королевства – маленький мальчик, маленький Вражеский Принц. Бредя по улице среди дымящихся развалин и мёртвых тел, он вдруг остановился и взглянул из волшебного зеркала прямо в глаза другого маленького Принца, который прятался за приоткрытой дверью гостиной в своём Добром и Краси-

вом Королевстве. Их взгляды встретились.

Что при этом почувствовал каждый из детей, какие мысли пришли им в головы? Пожалел ли один другого, и простил ли другой? Это останется их маленькой тайной.

Начинало темнеть. Волнение на море утихало, но воздух становился холоднее. Осень всё-таки. Датчанин, почувствовав холод и сырость, поднялся, чтобы идти к машине, стоявшей неподалёку.

– А чем же кончилась эта сказка? – спросила его маленькая, размером не больше мизинца, красивая девочка, сидящая на пучке зелёного мха, растущего по склону прибрежной скалы. – Что стало дальше с Добрым Королём, Благородной Королевой, маленьким Принцем и их Прекрасным Королевством?

Датчанин остановился, достал из кармана сигарету, щёлкнул зажигалкой и закурил, выпуская лёгкий дым в темнеющее ясное небо. Затем повернулся к Дюймовочке и тихо ответил:

– Король вернулся домой с победой. Благородная Королева встретила его с любовью и радостью. А Принц... Маленький Принц стал бояться отца. Он общался с ним, разговаривал, они вместе чинили домик скворца, но сознание того, что папа убивал людей, пусть и Врагов, убил отца Вражеского Принца, не позволяло малышу любить его так, как это было раньше, до войны. Он начал бояться своего папы,

Доброго Короля.

Дюймовочка закрыла лицо маленькими ладошками и заплакала.

– Ты злой, Датчанин! Это плохая сказка!

Мужчина нагнулся и нежно погладил кроху по её светлым волосикам.

– Не плачь, девочка. Что бы ни происходило в сказках – они всегда заканчиваются счастливо. Эта сказка ещё не закончилась, но закончится она хорошо, поверь. А теперь – прощай!

И он пошёл к своей машине.

— Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец...

– Папа!

– Что, сынок?

– А почему дядя Серёжа и дядя Андрей называют тебя Датчанином?

– Давным-давно в стране, которая называется Дания, жил один дядя. Он умел придумывать сказки. И сказки его были такими добрыми и волшебными, что их любили и дети и взрослые, от его сказок мир становился добрее. Этот Датчанин делал добрыми даже злых людей. И делает до сих пор.

– Тебя называют Датчанином в его честь?

– Теперь – да. Закрывай глазки и засыпай, сынок.

– Папа...

– *Что ещё?*

– *А ты на войне убивал людей?*

– *Тебе пора спать. Спокойной ночи, мой маленький. Дай Бог тебе здоровья и хороших снов.*

Лунный мальчик

С раннего детства всё вокруг казалось мне добрым, волшебным и сказочным. Даже моё личное появление на свет представлялось каким-то особенным, просто долгое время я не мог найти слов для того, чтобы его описать. А спустя много лет после своего рождения прочитал строчку у одного писателя по имени Фёдор Перов и понял, что он написал это про меня:

«Когда я был очень маленьким, я свалился с луны – на грядку с капустой, и заплакал...»

Точнее не скажешь. В этой фразе всё: и не от мира сего, и упал... И заплакал – тоже про меня. Плакать, начиная с этой капустной грядки, пришлось ещё много и долго. Потому что здесь – не на родимой луне – слишком много обид, предательства, непонимания и злобы. И хоть стараешься казаться нестигаемым и сильным, а всё же больно от зубов этих яростных зверьков, своим особым зрением видящих, что на самом деле ты не взрослый дядя, а прежний маленький лунный мальчик, который наконец-то свалился к ним в лапы.

Больно, чёрт возьми, до слёз...

Но плакать на людях неприлично. Никогда, ни при каких условиях мужчина не должен плакать – этому учил папа, и папа никогда не плакал. Разве что по пьянке. Но это были

не слёзы, говорил он потом, это была водка, и я сделал вывод, что, значит, водкой плакать можно. И одно время плакал ею много и часто, так часто и так много, что чуть все глаза, как говорится в сказках, не выплакал.

Не могут лунные мальчики плакать водкой – им это противопоказано, от такого плача их начинает беспокоить печень. Я проверил.

А ещё лунные мальчики не могут жить в больших городах. В больших городах сила земного тяготения намного больше, чем в глубинке, и после луны в них становится совсем плохо. Тяготит всё вокруг: неумение земных людей мечтать, торопливость, их какая-то навязчивая идея всю жизнь копить на что-то деньги, а накопив и купив, умереть. Тяготит нежелание доверять и помогать друг другу и желание казаться глупее и злее, чем они есть на самом деле.

Земное тяготение, одним словом.

Поэтому лунные мальчики живут где-нибудь в маленьких городках или посёлках, чаще всего – в северных заполярных районах, поближе к полюсу, потому что у полюсов, как известно, земная атмосфера тоньше, космос ближе, и их это привлекает.

Лунные мальчики способны любить один раз в жизни, это их лунная особенность, которая очень радует земных девочек. Но лунным мальчикам от этого чаще всего плохо, потому что земная девочка, которую любит лунный мальчик, немного приподнявшись вместе с ним над землёй, пугает-

ся высоты и стремится, согласно закону всемирного тяготения, снова вниз: к своим приземлённым разговорам с подругами, мечтам о подержанной машине и квартире к пенсии, к косметике и духам, к туземным танцам под удручающе земную музыку.

А лунный мальчик так и остаётся влюблённым в неё и даже если, по счастливой случайности, встретит такую же лунную, как и он, девочку, то любви для неё в его сердце больше не найдётся, и оба лунных человека остаются несчастными.

«Я звоню, чтобы сказать тебе, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за что на свете больше не буду с тобой! – кричала она в трубку. – Ты мне противен со своей ложью, со своими выдумками и изменами! Я тебя ненавижу!»

Я не лгал, не выдумывал и не изменял. То, что она считала ложью, было на самом деле. В моей голове. И не было никаких измен – я видел, что ей необходим повод, чтобы морально оправдать перед собой и обществом наш разрыв, и злая людская молва с готовностью дала ей его. Господи, с какой радостью подхватили сплетни окружающие её люди! Восторг был неописуемым, таким, что никто даже не заметил полной белиберды в придуманном... И виноватым оказался только я, никому не пришла в голову мысль, что сама она, общаясь с подругами три года, улыбаясь им и радушно принимая в своём доме, искренно считала, что все они спят со мной. Почему же оказался виноват скаль-

пель, а не нарыв?

Через два дня:

«Я хочу, чтобы мы остались друзьями. Не обращай со мной так, я не могу, мне плохо от этого!»

А уж как плохо было мне! Было и остаётся по сей день. И будет, как я чувствую, плохо до конца моей земной жизни. Рана не заживает, кровоточит и болит. Иногда я промакаю эту язву тампонами любви других женщин. Господи, как мерзко прозвучало! Впрочем, и выглядит это действие для меня не менее мерзко...

Я не могу дружить с ней. Дружба и радость, злость и тоска – это эмоции, а лунные мальчики больше оперируют чувствами, они могут или любить или ненавидеть, нечто среднее, половинчатое – невозможно.

«Странная у тебя реакция на моё предложение», – сказала она. Реакция – это ничего. Хуже, если мужчина услышит такое от женщины по поводу своей эрекции.

Почему земные девочки реагируют на плохих людей, как кролики на удава? Одна её знакомая, глаза которой почему-то всегда напоминали мне глаза рептилии, заведя разговор с целью нас «помирить», говорила: «Я просто не могу представить причины, по которым вы расстаётесь! Измену я исключаю – у неё точно никого нет. Сейчас». И при этом испытующе смотрела на меня. Зачем она это делала? Она же видела, что мне и без того плохо...

Сейчас они лучшие подруги, и виной тому – глаза репти-

лиш...

Я сбит с толку: лунная она была или нет? И если лунная, то почему... Да, ладно уж!...

Лето я провёл в кубанской станице. Весь свой отпуск спал на улице, под звёздным небом, злорадно хихикая по ночам при воспоминаниях о северной погоде, которая никогда не простила бы мне подобных ночных вылазок.

Я наслаждался теплом и спокойствием, ароматами цветов и даже улыбками землян.

Но однажды в полнолуние происхождение и близость огорода дали о себе знать, беспричинно к горлу подступил комок, на глаза навернулись слёзы. Памятуя о неприличности мужского плача, но, как крайний случай, о возможности плакать водкой, я достал бутылку крепкого бабушкиного самогона и хорошенько заправил себя в ночной тишине основным ингредиентом для выработки слёз. А после пробрался поближе к капусте, сел на бревно и закурил.

Где-то в тёмной глубине огорода послышался шорох и детский плач. *Упал ещё один лунный мальчик.*

– Вот ты где, мой маленький! – сразу за тем раздался женский голос. – Заблудился, мой хороший? Пойдём-ка скорее домой, умываться и спать!

Ещё один из наших попал в лапы мерзких землян.

Светила полная луна, как в ту роковую ночь, которая всё изменила в моей жизни. Я встал и прошелся вдоль грядок,

вдыхая тёплый воздух моей малой родины. Они все были похожи одна на другую, и не имело значения на какую приземляться пареньку с луны, всё едино – грязная, пахнувшая навозом жирная земля.

Пытаясь подбодрить, с высоты ночного неба мне подмигнула какая-то маленькая, но очень симпатичная звёздочка. Спасибо тебе, малышка. В голове приятно шумело от выпитого, и все звёздочки казались красивее, чем на самом деле. Подмигивание таких ярких красоток в нужный момент очень много значит, от этого становится легче на душе у лунных ребят – приятно сознавать, что там, в космосе, о тебе помнят. Космос своих не бросает.

– Прикидываешь, как сбежать? – спросил меня выползший из тьмы огромный змей с рубиновыми глазами. – Тяжеловато, парень?

Он знал о чём говорит – какой-то далёкий предок этого пресмыкающегося тоже был сброшен на землю. Правда, выбросили его не с луны, а совсем из другого, более важного места, но взгляд на окружающую действительность был у нас похожим.

– Тяжеловато, но куда деваться? – отвечал я. – Обратно не попасть, средства не позволяют. Был один парень, которому удалось вернуться, но затем он почему-то, – вот болван! – опять прилетел на землю. Его фамилия была Мюнхгаузен, помнишь его?

– Конечно, помню, – змей подполз ближе и положил свою

голову на моё плечо. – Все его поступки и сама фамилия были чисто лунными, не ошибёшься. Плохо закончил Карл Фридрих Мария Иероним...

– Мы все плохо закончим...

Мы помолчали, глядя на небо.

– Туда попадают мёртвые, – прошептал змей. – Понимаешь, о чём я? Если умереть, то вернёшься домой! Все твои мучения разом закончатся и ты снова дома, подумай!

Я подумал. Я ответил ему:

– Тебя послушать – всё очень просто. Если бы всё было действительно так легко, то лунные были бы уже дома.

– А они и дома! – жарко зашептал искуситель, но левый рубиновый глаз его при этом нервно задёргался. Сразу видно – врёт, гадюка. – А они уже давно дома. Только законченные глупцы, вроде тебя, ещё мучаются, страдают, чего-то ищут и не находят. Не находят – потому что нечего здесь искать, не там ищешь-ш-шь...

Последнее слово слилось с шёпотом листвы в саду, проснувшейся от тёплого порыва ночного ветерка, а я подумал: возможно, в словах этого кожаного шланга есть какой-то смысл?

Словно почуяв астральный запах сомнений, он быстро забормотал мне в ухо:

– Там всё так, как должно быть, там всё в шесть раз легче – и заботы, и неудачи, и горе. Там не бывает бурь, все девки там – лунные, и любят по-лунному – навсегда... Короче,

все серьёзные лунные пацаны уже давно там, ты один валяешь дурака, один сходишь с ума на этой Богом проклятой земле! Ожеребишься ты, наконец, своим решением или так и будешь жевать сопли?

Его язык несколько раз выстрелил из пасти, легко ударяя по моей голове.

– Тук-тук-тук! – крикнул змей. – Есть кто в этом доме? Или внутри абсолютная пустота, мать твою?

Иногда некоторые из лунных мальчиков, злобясь на всё и всех, идут воевать. Они воюют на любой войне, и страшно то, что им всё равно в какую сторону палить из автоматов и в чьей армии служить – лишь бы убить побольше земляных жителей.

Этим они мстят туземцам за те твёрдые капустные кочерыжки на грядке и за свой громкий и горький ночной плач.

– Ты же знаешь – вы уходите легко, без страданий, – снова слышу тихий и вкрадчивый голос. – Это земные люди испытывают мучения и боль, когда умирают – их держит земля, а вам это неизвестно...

Я знал это. Я это видел.

Те немногие, кто в момент выстрела гранатомёта находился на броне и чудом уцелел после попадания, укрывались за коптящим корпусом БТРа, сжимаясь в сверхплотное вещество от близости скачущей по разгромленной улице Смерти и обливаясь холодным противным потом при звон-

ких щелчках пуль об металл машины.

– Нужно быстро отсюда уходить, перебьют, – комбат придвинулся ближе ко мне. – Хорошо сыплют, сучата, всю улицу простреливают.

Я утирал пот страха, градом катящийся на глаза, и единственное моё желание в этот момент было – чтобы меня оставили в покое и никуда не дёргали. Мне было страшно. Страх животного, силком приведённого на бойню, где его ждут неизбежные нож или топор.

Майор словно прочитал мои мысли и прокричал:

– Очкуешь, Датчанин? Я, брат, в первые дни так боялся, что когда первая мина рядом хлопнула, присел и потихоньку жопу свою пощупал – не обделался ли? А то был бы пример для подчинённых! Главное – начать работать, понял? Сейчас по двое перемещаемся к тому зданию, – он ткнул пальцем в направлении разгромленной дымящейся трёхэтажки, – двое бегут, остальные прикрывают. Короче, по правилам. Мы с тобой последними, усёк?

Я кивнул. При этом со лба хлынул водопад. Комбат заметил и улыбнулся, хлопнув по плечу.

– Егоров, Щербатюк! Первые – до трёхэтажки. По команде. Остальные – греем уродов, чтобы башку боялись высунуть. Приготовились... Вперёд!

Двое выскочили из-за брони и помчались через улицу к спасительным стенам выгоревшего дома, а мы, выставив стволы в направлении огневых точек противника, открыли

огонь. Правда, я не уверен, что мои собственные очереди были необычайно прицельны. Я боялся, не соображал и не видел куда стреляю.

Наши добрались, следующими побежали сразу трое, а мы с комбатом прикрывали их из двух автоматов. Наше слабое огневое прикрытие отразилось на решительности действий противника – один из наших споткнулся, но на бегу был подхвачен товарищами, которые помогли ему достичь укрытия. Вроде бы он был ранен не тяжело, по крайней мере, так мне тогда показалось.

– Ну, теперь наш черёд, дружище, – посмотрел на меня майор. – Ты будешь смеяться, но прикрыть нас некому – вот незадача-то!

Он грустно улыбнулся и поводил ладонью в перчатке перед моим лицом:

– Алло, очнись! Пора вставать! Давай на счёт «пятнадцать»...

Мы приготовились к старту с разных сторон взорванной машины.

Во рту у меня пересохло, ноги тряслись. Я волновался: не подведут ли они, когда я променяю относительную безопасность горячей брони на простреливаемую со всех сторон улицу. Наше положение было хуже остальных ребят – они не могли поддержать нас своими стволами, ничто не мешает врагу бить по нам прицельно и расчётливо.

– Ты готов? Три... Пятнадцать!

Всё. Я дал пинка страху, чтобы он заткнулся хоть на пару секунд и, воспользовавшись этим затишьем, выскочил на открытое пространство. Выскочил и словно увяз в киселеобразной пространственно-временной гуще, которая сковала мои движения, сгустила воздух, превратив его в вязнущее и липкое вещество, мешающее продвижению, отчего, видимо, комбат оказался впереди, а я, борясь с тягучестью ночного кошмара, видел только его спину в пятнах камуфляжа и уличной грязи. Очереди автоматов для меня смолкли, но я почти реально видел летящие пули и оставляемые ими в воздухе следы турбулентности, ожидая, что какая-нибудь из этих свинцовых жужжащих пчёл скоро ужаслит меня.

Комбат что-то кричал на бегу, я увидел его перекошенный рот и почему-то безумно весёлые глаза, когда он повернул лицо ко мне. И в эту секунду лживую тишину в моей голове нарушил странный, выделяющийся из однообразного грохота войны звук...

Блюп-п...

Майор вздрогнул, на секунду приостановил свой бег, будто проверяя в памяти – не забыл ли чего там, за подбитым БТРом? – и вновь побежал вперёд. Побежал быстро, как и прежде, и я, поначалу встревожившись от непонятного звука, как привязанный последовал за ним.

Мы добрались до трёхэтажки. Вспомнив рассказ майора, я незаметно оцупал итаны на заднице. Успокоенно вздох-

нул. Комбат уже опять не давал скушать:

– Егоров, Хохол – не спим, наблюдаем за улицей! Головы не высовывать зря! Как ты, Датчанин? – он повернул ко мне свою закопчённую дымом рожу, снова улыбаясь. – Добежали-таки?

Но я смотрел на левую сторону его груди, на то место, где обычно у людей бьётся сердце – там расплзлось огромное кровавое пятно. Даже не пятно – целое озеро было в бушлате, сожми я сейчас ткань – и из подкладки полилось бы как из ведра.

Майор проследил за моим испуганным взглядом, побледнел, сел на пол, прислонившись к стене, и сказал:

– Зацепило всё-таки меня. Вот, блин, невезуха. Дай сигарету.

Я достал пачку, протянул сигарету и чиркнул зажигалкой. Комбат затянулся, прижал руку к сердцу и потёр за пазухой, поморщившись. Когда вынул руку обратно, она была вся в крови, с пальцев текло ручьями.

– Слушай, Датчанин, – спокойно, дымя сигаретой и стряхивая пепел совершенно не дрожащими пальцами, произнёс майор. – Ты к моим сам зайди, расскажи потом.. Бывает же... Сам видишь... Ты знаешь, – вдруг оживился он. – А ведь совсем не больно, ни капельки! Если бы не увидел, то и не знал бы, что попали! Сперва лишь ударило сильно, аж дыхалку сбило... Так что не бойся, Датчанин, не больно это...

Он вдруг замер, как будто прислушиваясь к чему-то в окружающем грохоте, держа сигарету около губ и всматриваясь в одну точку.

Я ждал, что ещё скажет майор, но он больше ничего не сказал – он умер.

Умер без страданий и боли – ведь его, лунного мальчика, земля не собиралась удерживать на своей поверхности, отпустила без вопросов.

– Вот видишь, – прошипел гад. – Там собрались одни классные ребята, такие, кто чего-нибудь да стоит. Здесь осталось одно дерьмо, смотреть не на что. Одно дерьмо и ты. Тебя ничего не держит, ты потерял всё. Решайся.

– Сам ты дерьмо! – психанул я на змея и схватил его за основание головы, которое изображает у пресмыкающихся горло. – Воняешь и ты и твои слова!

– Полегче, – просипел он. – Ты тоже не ангел – всё рыло измазано...

– Не слушай его, – раздался голос из темноты. Я повернулся и заметил силуэт человека, прислонившегося к стволу яблони. Незнакомец двинулся вперёд и, выйдя на лунный свет, приветливо помахал рукой.

– Здравствуй! – сказал мне старый товарищ, попавший на луну давно и как-то буднично. Мимоходом, мельком и пренебрежительно взглянул на змея. – Что, «разводит» тебя эта тварь?

– «Разводит», Владимир Иванович. Говорит, мол, хоть сейчас на луну, но только давай сам, своими силами, так сказать...

– Плюнь ему в морду.

Я с удовольствием последовал совету старика, и змей отпрянув в темноту, злобно ворча, принялся утираться хвостом.

Я всегда раньше слушался Владимира Ивановича, который был очень умным, образованным и уважаемым мной человеком. Он никогда не советовал плохого.

Он тоже был лунным до мозга костей.

– Совсем не обязательно умирать, чтобы вернуться домой, – сказал мне друг и учитель, обняв за плечи. – Можно бывать там, навещать нас, живя тут столько, сколько отмеряно. До тех пор, пока луна не притянет тебя сама.

– Как? Научи.

– Вспомни подробно день, когда ушёл я, и догадаешься.

– Чёрт побери! – ерепенился Дима, наш начальник. – Иванаыча снова нет на рабочем месте? Если завтра он не выйдет, то ставлю прогул и лишаю премии. Я парень добрый, но нельзя же так нагло себя вести!

Владимир Иванович второй день не выходил на работу. И это не было похоже на него. Последние пару лет он начал «закладывать за воротник», вечерами его часто можно было увидеть навеселе, но такого, чтобы Старый не явился

на работу к 9 утра – никогда не случалось. И это настораживало, заставляло предполагать худшее.

Он не вышел на работу и на третий день. Третий день никто не видел его на улицах городка, где он так любил болтаться по вечерам в нетрезвом виде, заводя разговоры со всеми людьми, знакомыми и незнакомыми.

Тогда все мы, прихватив по дороге участкового, вскрыли двери его квартиры и вошли внутрь.

Владимир Иванович стоял на коленях в спальне, опустив голову на табурет, неподалеку от кровати, и подложив руку себе под лоб. Он был мёртв. Третий день.

На письменном столе тихо бормотал советский радиоприёмник, любимое средство информации покойного, а рядом лежала старая потрёпанная тетрадь в коричневой обложке. Я открыл её.

Все листы тетради были исписаны мелким красивым почерком Владимира Ивановича.

Все страницы были заполнены его стихами.

Я взял тетрадь с собой и ничего не сказал товарищам. Я прочитал стихи Старого и понял, что в этой коричневой тетради была вся его жизнь.

– Постой, Иваныч! – сказал я, вспомнив довольно большой раздел стихов весьма своеобразной тематики. – Разве ты мотал срок? Я что-то не помню, чтобы ты рассказывал об этом.

– Было дело, – кивнул старик. – По молодости, по глупости попался. Совершеннолетие праздновал с друзьями, подгулял. Вот по пьяни и натворил дел, да таких, что получил за всё по-полной, а потом от звонка до звонка под Тюменью лес валил. А я ведь видел! – он хитро посмотрел на меня. – Видел я, дружок, как ты эту тетрабочку под куртку прячешь! – Как же ты видел? Глаза-то у тебя закрыты были, брехун! – А про это ты и забыл! – торжествующе указал он на своё подрезанное веко правого глаза – следствие неудачной операции по удалению ячменя. – Этим глазом я на всё и смотрел!

Змей, прислушиваясь к нашему разговору, вновь подполз ближе, но все замечания держал при себе, опасаясь каких-нибудь агрессивных действий с моей стороны.

– Так что скажешь? – спросил я Владимира Ивановича. – Я вспомнил тот день. Где ответ? Я не вижу.

– Тетрадь. – Коротко ответил друг. – Стихи. Это дорога в оба конца, в любое время: луна-земля-луна-земля. В любое время, с любой скоростью, к кому хочешь, с кем хочется! С этим легче переносить пребывание в земной чуждой нам атмосфере. Если становится плохо – пиши и улетай!

В темноте раздалось злобное шипение ползучего гада, чьи мерзкие планы были сорваны.

– Утухни там, кишка! – крикнул я и спросил старика:

– Почему же ты ушёл? Как-то неожиданно...

– Почему же неожиданно? За несколько дней я чувство-

вал, что пришла пора. В последний вечер поужинал, включил приёмник, лёг на кровать, собираясь заснуть. Стал задрёмывать. Потом приспичило в туалет, поднялся, что-то скрутило живот, – не слишком больно, но тело стало словно ватным, – я опустился на колени, опустил голову на табурет – и всё. Я понял, что дорога на луну открыта. Но, – он резко поднял вверх палец, – и с луны тоже! Мы можем перемещаться в обе стороны. Всегда! Капустные грядки ждут нас в любое время!

Я посмотрел на змея – его тело приняло странные формы, шарообразно раздувшись в середине. Недоумённо глядя на него, я вдруг понял, что произошло.

– Иваныч! – крикнул я, расхохотавшись. – Этот придурок сожрал капустный кочан!

Змей угрюмо взирал на нас рубиновыми глазами и презрительно молчал.

– Теперь обгадишь весь огород! – смеялся я. – Зачем ты сделал это, болван? Ты не пролезешь в свою нору, пока не выдавишь этот вилок с другого конца!

Настроение поднялось. И от ползучих гадов порой бывает польза – иногда они веселят своими глупыми поступками.

Но смех мой был недолог, я вспомнил, что нахожусь пока на земле. Я опять почувствовал силу земного притяжения, которое тянуло душу вниз, наполняя её свинцом старых обид и свершившихся бед.

– Мне плохо, Иваныч, – тихо пожаловался я. – Плохо очень. И измениться, чтобы жить стало легче, не могу, я пробова! – ни хрена не получилось. И моя бывшая считает меня кем угодно, только не таким, какой я есть. И люди вокруг... Что делать, Старый?

– Живи, – ответил друг. – Живи и летай.

Всякий раз, начиная новую вещь, я берусь за дело непростоительно несерьёзно, забавляясь, словно вступая в весёлую игру и почти не задумываясь о том, что будет происходить в моём рассказе или повести дальше.

Где-то на второй странице повествования игривое настроение улечучивается, уступая место приходящему извне, с луны, я перестаю контролировать процесс, оставляясь лишь инструментом для изложения в письменном виде информации, поступающей ко мне оттуда, от лунных ребят.

Они не забывают меня, они на связи.

Потом в квартире появляются незнакомые герои, которых не приглашал, живые и мёртвые, они совершают поступки, которые я не планировал, самостоятельно ругаются между собой или что-то обсуждают. Стоят за моей спиной и наперебой дают советы. В общем, живут.

Они не причиняют вреда, с большинством из них очень интересно, встречаются даже выдающиеся личности, и пока мне всегда удавалось справляться с задачей и доводить их

судьбы до какой-то требующейся им точки, но волнуясь: а если когда-нибудь я не смогу сделать то, что нужно?

В определённые моменты работы происходит нечто выходящее за рамки объяснимых наукой явлений: лунный свет становится очень ярким, персонажи – чрезвычайно самостоятельны и активны, описываемое уже можно трогать руками, всё становится материальным, и душу начинает переполнять через край какое-то неведомое ранее чувство, которому нет названия. Оно заполняет всё, душа начинает задыхаться, не в силах выплыть на поверхность этой субстанции, вынырнуть из плотного лунного света – выхода нет, и ты захлёбываешься этим светом и слезами, и сердце при этом бьётся так, что кажется, сию минуту разорвётся на тысячи кусков.

Это ужасно. И это прекрасно. Это ни с чем несравнимое чувство.

Возможно, это момент пребывания на милой моему сердцу луне.

Возможно, это побочные явления космического перелёта до луны и обратно при отсутствии каких-либо защитных средств.

Возможно, шизофрения... Нужно будет при случае спросить у Профессора.

Но если я и сошёл с ума, то мне это понравилось.

Впрочем, как и тем, кто меня хорошо знает здесь, на Земле, и там – на далёкой и спокойной лунной поверхности...

Островитяне

*«Мы стояли на плоскости с переменным углом
отраженья,
Наблюдая закон,
приводящий пейзажи в движение,
Повторяя слова, лишённые всякого смысла...»
Б. Гребеничиков «Плоскость»*

Как попадают на Острова? Это долгая история, но я всё же попробую её рассказать.

Думаю, что меня загонять на Остров начал мой собственный отец. Что бы я ни делал в детстве – строгал ли корабль из дерева, малевал ли рисунок или же выполнял обычное домашнее задание в тетрадке – всё было сделано, по его словам, из рук вон плохо. По его мнению, я хуже всех своих сверстников ездил на велосипеде, хуже всех наводил порядок в своей комнате, в речке плавал как топор и ужаснее любого двоечника решал задачки и выписывал буквы. Когда я впервые в жизни своими руками отснял плёнку на фотоаппарате «Смена», лично проявил её и, замирая от восторга, при красном свете фонаря в ванной комнате напечатал первые фотографии, папка лишь скосил глаза от телевизора, мельком глянул на ещё непросохшие снимки и забормотал через губу:

– Этот слишком тёмный – можешь выкинуть... Этот вооб-

ще не понять что... А здесь что? Вот на фига вы так встали? Вы же фотографироваться собрались, нужно было встать перед объективом достойно! Место твоим фоткам – в помойном ведре!

Став немного постарше, я перестал делиться с ним своими проблемами, старался ни о чём ему не рассказывать. Но тогда он сам начал задавать вопросы о моём житье-бытье, и волей-неволей приходилось что-то говорить. Чаще врать. Надеюсь порадовать его, я придумывал истории, в которых мы с друзьями выглядели весьма респектабельно и совершали почти героические поступки, но папаша был неумолим – как только я умолкал и переводил дух, он тут же разражался критической рецензией, объясняя, как поступил и повёл бы себя в описанной ситуации нормальный паренёк, а не такой жопоголовый дебил как его сын. Во время этих поучительных нотаций я уходил в себя, изредка механически кивал головой и вспоминал что-нибудь смешное и интересное, чтобы не улавливать смысла отцовских слов и поменьше расстраиваться.

Я подрос и взял в руки гитару, начав тихонько тереть струны корявыми непослушными пальцами. Звук гитары меня зачаровывал и вводил в некое подобие транса. Я мог сидеть с ней круглыми сутками, мечтая о чём-то светлом и хорошем, и никто мне был не нужен – Остров к тому времени был уже почти готов к моему прибытию. Вскоре я мог наигрывать простенькие песенки и даже гнусаво напевать их.

В один из вечеров в комнату зашёл папа, застал меня с гитарой в руках и, естественно, настоял на том, чтобы я продемонстрировал свои успехи. Ужасно волнуясь и оттого непрерывно путаясь пальцами в струнах, я сыграл ему что-то... Боже ж ты мой!

– Это не игра, – брезгливо морщась, выдавил он. – Лучше бы ты и не начинал играть. Это не твоё.

Лучше бы он просто надавал оплеух – настолько обидны были для меня его слова. Гитара была заброшена в угол, и почти три года я к ней не прикасался, получив новые укоры от отца: «За что ни берёшься – ничего до конца не доводишь». В конце концов, мы с ней всё равно сошлись и больше не расстаёмся, – от судьбы, как говорится, не уйдёшь, – но три года...

Однажды он, возвращаясь вечером домой, заметил меня во дворе и подозвал. По-видимому, отец был не в духе, и оттого ему не терпелось поучить меня чему-нибудь полезному. Сурово глядя, спросил:

– Уроки сделал?

– Да.

Он оглядел двор, словно впервые в жизни увидел его, и задал неожиданный вопрос:

– Кем ты собираешься быть в жизни? Куда ты думаешь поступать после школы?

Для меня эта проблема, как мне тогда казалось, была уже решённой. Если отец военный, то, разумеется, я тоже соби-

рался связать свою жизнь с армией.

– Я собираюсь поступать в военное училище, папа, – сообщил я, надеясь польстить отцовскому самолюбию.

– В какое именно военное училище?

– Ну... в танковое... – потупил я взгляд.

Отец взял меня двумя пальцами за подбородок и повернул мою голову...

– Вот! – Его указательный палец и мои глаза оказались направленными на крышку канализационного люка. – Вот твой танк, юноша! А заодно, – палец указал на моих беззаботно резвящихся приятелей, – как раз и подходящий экипаж: тупорылый толстяк, рыжий проныра и неумытый недомерок в кепке – как раз неплохая команда для такой модели танка. Будешь тратить время на бессмысленное болтание во дворе – и этот танк твой, после школы примешь командование.

Ему было ничем не угодить, как бы я ни старался. Единственное сделанное мной дело, про которое он не сказал, что оно сделано «через задницу», было то, когда я, уже пятнадцатилетний, от всей души врезал ему по роже. Батя рухнул на пол и отключился, но мне кажется, что если бы он не потерял тогда сознание, то наверняка прошамкал бы разбитыми губами что-нибудь типа «урод клешнерукий, тебе только пальцем в носу ковырять – ни на что не годишься»...

Иногда, во время своих нотаций, видя, как на моих глазах появляются слёзы обиды, он слегка сбрасывал давление,

и «успокаивал» меня своей коронной фразой:

– Ну а как ты хотел? Я должен говорить правду, чтобы ты замечал свои ошибки и больше их не повторял. Отец так и должен поступать!

«Отец так и должен поступать» – каждый раз, когда я вспоминаю его, вспоминаю и эти слова. Раньше я злился, ненавидел его за постоянное унижение, а в тридцать с лишним лет, когда отца уже не было в живых, мне вдруг пришла в голову одна забавная мысль, заставившая горько усмехнуться. До меня вдруг дошло, что рассуждая о том, как должен поступать настоящий отец, папка на самом деле и понятия не имел о предмете разговора – у него попросту никогда не было отца! Он был ярким примером послевоенной безотцовщины.

И моя ненависть прошла. Жаль, что додумался я до такой простой вещи слишком поздно, когда отца уже не было в живых – наверное, я и в самом деле жопоголовый дебил, как когда-то подметил батя.

Так или иначе, но отец был главным человеком, который с самых моих первых лет на этой планете начал старательно загонять меня на Остров. Но не единственным.

Математику у нас в школе преподавала необычайно толстая женщина Мария Архиповна. Она с трудом таскала своё огромное туловище по классу, шаркая подошвами старушечьих ботинок и паровозно пыхтя при каждом шаге. На её лице всегда сияла, как приклеенная, широкая улыбка. Но гла-

за при этом не улыбались. Такую улыбку мне довелось видеть всего два раза в жизни: у Марьи Архиповны и у акулы в фильме «Челюсти». Манера разговаривать с учениками у неё была своеобразной: она сюсюкала, как с детсадовцами, и выстраивала фразы, будто рассказывала малышам сказку на ночь. Видя, как одна из моих одноклассниц – симпатяшек достаёт зеркальце и расчёску, Мария Архиповна останавливалась, сокрушённо подпирала ладошкой складки жира на щеке и заунывно голосила:

– Ой, поглядите, ребяtko! Верочка наводит красоту – на-верное, в проститутки готовится... А вот Наташенька, – она нежно клала ладонь на голову отличницы—страшилки, за-деревеневшей на своём стуле, и начинала её по-матерински поглаживать по волосикам, – наша Наташенька вырастет, вы-учится и станет профессором математики. Да, Наташенька?

– Да, – пищала отличница, и Марья Архиповна удовлетво-рённо встряхивала своими пятью подбородками.

Девчонок, судя по её пророчествам, можно было разде-лить на две категории: небольшая часть становилась профес-сорами или учительницами, а вторая, большая – проститут-ками в публичных домах. Третьего пути у наших девочек не было, толстая математичка не давала им чересчур широко развернуться в выборе профессии.

Нам же, пацанам, она предвещала непрерывное кручение коровьих хвостов в захудалых колхозах или жизнь ассениза-торов, воняющих нечистотами. Некоторым пророчила жал-

кое существование бродяги-алкоголика и смерть на выбор: в придорожной канаве или под забором. Были и те, кто должен был подготовиться к тюрьме и даже к расстрелу.

В длинном списке её предсказаний для меня был уготован Остров:

«А таких как ты, Петруша, соберут в одну кучу и завезут на необитаемый остров. И будут на вас сбрасывать бомбы ядерные, чтобы потом изучать последствия жуткие».

Марья Архиповна была ясновидящей: на подобном Острове я умудрился побывать во время службы. И все, кого мне довелось повстречать на нём, как раз попадали в марьеархиповнину категорию «таких, как ты, Петруша», чему я был несказанно рад.

Меня, 11-летнего мальчишку, веселили её слова. Я хихикал, представляя как мы, полунагие островитяне, мечемся по Острову, лавируя между ядерными грибами, кувыркаемся, сшибаемые с ног ударной волной, а в перерывах между взрывами и беготнёй греемся на радиоактивном песке и плещемся в аномально тёплом море. И все остальные ребята смеялись, потому что, будучи детьми, не замечали жестокости в словах взрослого человека, нашего Учителя.

А потом мы подросли и многому научились. Мы научились видеть зло и отвечать на жестокость жестокостью, только наша была страшнее, потому что мы ещё не умели управлять чувствами, плохо справлялись со своей ненавистью, если она выходила из-под контроля – на булавоочный укол мы

отвечали артиллерийскими залпами. И потому вскоре Марья Архиповна заработала инфаркт и ушла на пенсию, выполнив своё предназначение: от неё мы все узнали, кто кем станет в будущем. И если раньше мы думали, что всё сказанное взрослыми – истина, то теперь каждое их слово воспринималось нами с ехидной скептической ухмылкой. Мы перестали им верить. Мы стали действовать наперекор им во всём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.